

Макферрин Бобби

210504

Моск. правда. — 2004. — 21 мар. — с. 15

Четыре октавы счастья

Бобби Макферрин всегда спокоен, мягок и светел. Он встает в половине пятого утра и два часа читает Библию. Носит исключительно джинсы и майки, в таком виде и выходит на сцену.

Пресс-конференция задерживается. Зал нашпигован фото- и телеаппаратурой, корреспонденты стоят плотной стеной, через которую мне приходится пробираться, чтобы занять более удобное место для съемки. **Марьянов** дает какие-то ц.у. телеоператору. Ведущие джазовые критики на месте с блокнотами наготове.

Появляется Макферрин. Сочная, невероятно колоритная внешность, черные дреды без намека на седину, черная джазовая майка. Он идет по проходу, смиренно опустив глаза и не обращая ни малейшего внимания на суету и фотоспешки.

Вопросы оригинальностью не отличались. Естественно, всех интересовало, как появилась на свет знаменитая песенка "Don't worry, be happy", в название которой взрослеющие дети цветов сходу внесли изменение — ...be hippy.

— **Правда ли, что она вам приснилась?**

— Нет, я сочинил ее в здравом уме, прогуливаясь по Манхэттену.

— **Влияет ли эта песня на ваше творчество, и как вы относитесь к тому, что ассоциируете только с ней?**

— Мне все равно, что обо мне говорят. Я ее уже 17 лет не пою.

— **Будете ли вы ее исполнять в Москве?**

— Нет!

Он держится очень скромно, даже застенчиво. Внимательно и несколько настороженно разглядывает собравшихся в небольшом конференц-зале. По его ответам понимаешь, что мысли его далеко, однако, после вопроса одной девицы из какого-то дамского клуба насчет российских женщин

присутствующие оживляются, и обстановка становится более непринужденной.

Будут ли в его интерпретации какие-нибудь сложные песни *Beatles*? Да, почему нет, возможно, я вечером что-нибудь исполню, говорит он и напевает "Strawberry Fields Forever". Кто-то проводит параллель с творчеством **Эла Джерро** и спрашивает о совместном проекте. Макферрин не смущается. Да, такая запись уже была, возможно, будет еще.

— **Ваш отец был оперный певец. Не хотели бы вы петь в опере?**

— Нет, опера не для меня. Я просто пел и однажды понял, что стал джазовым певцом. Это было само собой.

— **Сейчас вы занимаетесь симфонической музыкой, а как на вас повлияли русские композиторы?**

— Я плохо знаком с ними, подскажите мне, кого надо послушать?

Слышны голоса: **Чайковский, Прокófьев**. Он кивает головой.

Ему приносят чай. Бобби достает из-под стола принесенную с собой колбу и начинает колдовать над ней. Нет ложки. Кто-то кричит официанткам: принесите ему ложку!

Я прошу подписать его концертник "Play", записанный совместно с **Чиком Кория** и называю мою любимую композицию — "Autumn Leaves". Он улыбается и говорит, что мог бы ее исполнить, если ее знает пианист **Кондаков**.

В фойе, за освещенным самим Макферриным чаем, знакомлюсь с людьми из питерского фонда «Музыкальный Олимп», которые организовали его гастроль. Они оказались очень приветливыми людьми. Кстати, в отличие от московских акул шоу-бизнеса, они не выдвигали гнусного требования о публикации анонса как условия аккредитации на концерт.

— **Мы занимаемся искусством,** — с гордостью говорит **Ирина Никитина**, интеллигентная и симпатичная представительница этой организации.

Бобби Макферрин умеет бесподобно держать паузу, ожидая реакцию зала на особо удачную интонацию или словосочетание, придуманное их на ходу. Зал хохочет, а он с улыбкой продолжает — "та-рап-тап-ту-ра".

От его внимания ничего не ускользает. После первой композиции он замечает в партере двух новороссов, которые никак не могут уссесться и с ходу реагируют:

— **Может, вам поставить пару стульев на сцене?**

Зал взрывается аплодисментами. Жлобы наконец-то усаживаются, но тут он видит двух девушек, рассеянно озирающихся в поисках свободных мест. Он спускается со сцены, подходит к сидящим молодым парням и спрашивает:

— **Хотите со мной спеть?**

Те с удовольствием вскакивают и начинают ему подвывать. Макферрин показывает рукой на освободившиеся места, и девушки занимают их.

Эффект от выступления Макферрина превзошел все мыслимые и немыслимые ожидания. Ду-

маю, что сам Папа Римский так не смог бы держать зал. Кажется, что дай ему стадо обезьян, и они будут послушны его вокальной воле. Я понял, что такое магия одного мастера. Он просто «убил» зал, заставив его вначале замолкнуть по мановению жеста, а затем петь на все голоса и регистры, подвывать, кряхтеть, бубнить, визжать. Звуки города, загородного шоссе, автомобильные клаксоны или крики чаек, оперные арии — темы для имитаций он находит повсюду. И голос его действительно охватывает четыре октавы — я специально прислушивался. С фантастической легкостью он пружинил арпеджио в двухоктавном диапазоне с безупречной чистотой попадания в ноту, что было просто нереально, немыслимо, даже учитывая его феноменальный природный слух. Он будто бы играл на микрофоне, как на саксофоне, или трубе, или контрабасе, рисуя своими изящными длинными пальцами воображаемую аппликатуру. Для звукоизвлечения он максимально использует свой любимый прием — постукивания рукой по грудной клетке, с одной стороны помогая обрамлять голос ритмической фактурой, а с другой добиваться натурального эха, не прибегая к услугам электронных обработок. Только иногда оператор давал небольшой *delay*, но только чуть-чуть, самую малость.

Его музыкальная фантазия просто неисчерпаема, он лепит из одной ритмико-мелодической попевки развернутые, насыщенные десятиминутные полотна, и нет ощущения привыкания, нет самоповторов, нет банальных цитат и шаблонных решений. Откуда это все берется, понять невозможно. Зал буквально ревет от восторга. Подобного я никогда не слышал. С первой же минуты публика пытается подхватывать его ритмические и мелодические палитры, но он волевым жестом останавливает зал, и все послушно замолкает. Так происходит не один раз. Постоянно во время концерта ему приходится останавливать заведенных московских слушателей, среди которых процент музыкантов близок к 100. В зале биток! Сидят на ступеньках, стоят в проходах, только что на люстрах не висят.

Макферрин просит выйти на сцену 12 человек. Выходят вдвое больше. Кто-то, поддерживая под руку, выводит девушку, явно почти слепую. Он дает задание разделить по голосам. Вы — басы, вы — теноры, вы — альты, вы — сопрано. Среди девушек-сопрано затесался молодой паренек. Макферрин недоумевает.

— **Я контральто,** — говорит паренек под всеобщий смех.

Он задает им спонтанные фактуры, на которые импровизирует сам, а позже дает микрофон, и наша молодежь показывает, на что способна. Поражает своим драйвом и мастерством слепая девушка.

Выходят наши музыканты — молодая певица **Виктория Войтенкова**, которая поет "Ave Maria", а маэстро ей аккомпанирует, исполняя голосом канонические арпеджио. Вместе с нашим народным "Терем квартетом" он наяривает "Happy Birthday to you" в цыганском варианте. Выходит Кондаков, и

вместе они исполняют стандарт "Stella by Starlight". Кондаков несколько меньшежует — еще бы, играть с самим Бобби Макферрином! А следом идет несленнейшая "Autumn Leaves", которая исполняется с интенсивной разработкой, переходящей в "One note samba". Кондаков постепенно входит в раж. Музыканты постоянно меняются ролями, и вот уже Макферрин дает возможность Кондакову импровизировать, а сам, как и на диске с **Чиком Кория**, уходит в контрабасовые регистры. Полная свобода в ярчайшем ее проявлении!

Исполнил он "Blackbird" из *Beatles*, великую тему "Round midnight" и даже виртуозный "Полет шмеля". А напоследок вышел на авансцену и поставил петь весь зал.

Закончился концерт совместным исполнением "Болеро" **Равеля**. Зал уже не мог остановиться, он хотел петь еще и еще, но Макферрин дирижерским жестом показал коду, добавив в микрофон:

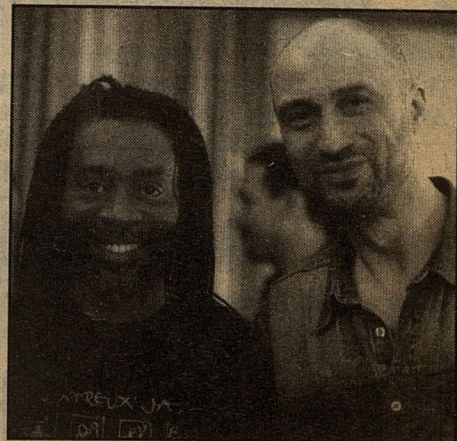
— **Мне еще завтра петь, надо бы поберечь голос.**

И он прав. С такой отдачей работать в течение двух часов — это вам не шептать чего-то там про джагу-джагу.

Он получает огромное удовольствие от того, что делает на сцене. Несмотря на свою величину в музыкальном мире, он совсем простой и доступный. Он смотрит на мир детскими изумленными глазами, хочется подойти к нему и, прослезившись, обнять. И я вижу глаза зрителей, влажные и искрящиеся, на лицах блуждающие счастливые улыбки. Музыканты выходят из зала и... ничего не могут сказать. И пианист **Андрей Разин**, и скрипач **Феликс Лахути**, и клавишник **Алик Веремко** смогли выдать из себя приблизительно следующее: "Гениально! Нечего обсуждать, нечего сказать. Гениальное невозможно оформить в словесную форму".

Контрапункт его жизни: день не удался, если он не принес радость хоть одному человеку. Надо почитать Бога через свой дар, а музыка — это один из способов объединить людей в едином порыве.

И мне нечего к этому добавить.

Георгий АВЕТИСОВ
(рядом с артистом).

Фото Александра ГРАДОБОВЕВА.